

Николая Мухина, корреспондента областной газеты, вызвал к себе главный редактор:

- Тут такое дело, Николай, - редактор, крутя по обыкновению ручку в пожелтевших от табака пальцах, в упор смотрел на него. - Приближается семидесятилетие Великой Победы, - он немного помолчал. - Срочно нужен горячий материал о ветеране-герое, желательно, из нашего региона.

- Где ж его взять? Ветерана, да еще и героя?! - плачущим голосом взмолился Мухин. - Да и осталось их - по пальцам пересчитать можно!

- Россия большая, так что ищи, где хочешь. А материал - чтобы через пять дней лежал у меня на столе! - в голосе редактора проскользнули металлические нотки, и он отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Мухин, конечно же, очень любил свою работу, но такие вот неожиданные и стремительные задания выбивали его из привычно-накатанной колеи. Куда лучше проводить вечера за письменным столом, полностью погружившись в захватывающее течение прозы. Но задание получено и его надо выполнять.

Тяжело вздохнув, Николай поставил на плитку чайник, как вдруг в дверь неожиданно постучали.

- Войдите! - довольно недружелюбно крикнул он и удивленно поднял брови, потому что в комнату вошла почтальонша, которую Колька хорошо знал.

- Телеграмма вам, Николай Петрович. Вот, распишитесь.

«Приезжай на день рождения», - телеграмма была от деда Егора, который жил в соседней области, в общем, далеко.

На следующее утро Мухин робко постучался в дверь редакторского кабинета.

- Как, ты еще здесь? - тот поднял голову от заваленного документацией стола и, приподняв очки, протер глаза.

Колька протянул телеграмму.

- Во-о-от, - прочитав скупые слова телеграммы, удовлетворенно протянул Николай Кузьмич. - Конечно, поезжай, может там что-нибудь нароешь. Кстати, а твой дед воевал?

- Воевал, кажется, - неуверенно протянул Николай.

- А что, разве твой дед не может быть героем? Давай, оформляй командировку, а на месте ориентируешься. Пять дней тебе! - крикнул он вдогонку...

- Зачем только в эту дыру машину гонять? Ни дороги, ни магазина, свет и тот обрезали! - водитель, ловко объезжая очередную выбоину, обратился к Мухину, единственному пассажиру автобуса.

Увиденное поразило Николая убожеством и больно резануло по сердцу унылой безысходностью. На въезде в некогда большое село печально выселились остовы двух полуразрушенных ферм, десяток покосившихся домов, облезлая, без крыши, остановка... Мухин вышел и, закинув сумку на плечо, растерянно огляделся. Вокруг не было ни души...

- Колька, Колька! - послышался знакомый голос и, обернувшись, он увидел своего деда, который, опираясь на суковатую палку, спешил к остановке.

- Цельное утро высматривал я эту таратайку, а всё равно пропустил, - сокрушался старик, обнимая Николая. - Расписания-то нету, вот он и приезжает, когда ему вздумается. Ну, здорово, внучек! Забыл ты меня навсего!

- Здравствуй, дед! Ты уж прости меня, работы много, - оправдывался Мухин, украдкой осматривая старика.

Знакомая с детства, нехитрая деревенская обстановка. Стол, по бокам - две широкие лавки, приземистая русская печь, занимавшая половину избы, аккуратно заправленная кровать, а на окнах - горшочки с геранью и алоэ.

- Нормально живем, - ответил дед на молчаливый Колькин вопрос. - Света только нету, обрезали хулиганы провода в прошлом году. Да на цветмет сдали, олухи! Слава Богу, автолавка два раза в неделю приезжает, да автобус раз в день ходит, а то - беда! - Егор Петрович подпалил заранее заготовленные в печке дрова и придвинул к огню закопченный чайник.

- Сейчас пообедаем, а потом разговор у нас будет. Долгий разговор.

Некоторое время они ели молча, видимо, Егор Петрович раздумывал, с чего начать.

- Ты помнишь, сколько мне годов? - неожиданно спросил он Николая и тот, поперхнувшись, торопливо закивал головой.

- Помню. 8 мая будет восемьдесят девять!

- Это по документам 8 мая. А еще раз я второго мая родился. Давно надо было тебе рассказать, да ты в город уехал, а потом, вообще пропал, - Николай низко опустил голову, чувствуя, что его лицо вновь заливают красная стыда.

- Когда война началась, мне пятнадцать годков было, - без всяких предисловий начал дед. - Призвали меня зимой 43 года и направили в танковое училище. Через четыре месяца нас, молоденьких лейтенантов, направили на фронт, под Курск.

Есени, а через минуту вернулся, неся в руках шкатулку, обшитую красным бархатом.

- Вот, здесь вся моя военная жизнь! - он поднял крышку ларца и принялся бережно вынимать награды, аккуратно выкладывая их веером на столе.

- Этот орден, - на стол лег орден Славы третьей степени, - я получил вместе с ранением - за Курскую битву. Второй орден Славы - за бои в Польше, две медали «За отвагу» - там же, орден Красной Звезды - за взятие Зееловских высот. Эх, и народу там полегло, страсть! - дед тяжело вздохнул и достал из коробочки последнюю медаль.

- А вот энта, - он поцеловал серебряный кружочек с вычеканенной надписью «За взятие Берлина», - энта мне самая дорогая, - и он, смахнув набравшую слезу, положил рядом с собой.

РОЖДЕНЬ ДЕНЬ

- Дед, да ты у меня герой! - восхищенно выдохнул Колька.

- Тогда все герои были. И живые, и мертвые, - смутился старик.

Дед снова поднялся и, достав из-за дивана, висевших в углу, квадратик бумаги, протянул его Николаю. Тот развернул его и впился глазами в сухие, казенные строки:

«Сообщаем Вам, что Ваш сын, Мухин Егор Петрович, героически погиб смертью храбрых, защищая свободу и независимость нашей Родины».

- Но ведь... - недоумевающий Колька протянул деду «похоронку».

- Да, вот именно сегодня, второго мая, я родился второй раз. А медаль «За взятие Берлина» мне в прошлом году вручили. Шестидесят годов наши бюрократы разбирались, что да как, - старик откашлялся и приступил к рассказу.

- В Берлин мы ворвались утром второго мая. Это только в книгах складно написано, а на самом деле... В каждом доме, на каждом чердаке пацанята сидели, смертники, «гитлерюгенд» назывались. Умалешенные, ей Богу! Ему от роду лет 12, не более, а в Гитлера своего, как мы в Иисуса Христа, верили. Привяжут их цепями к пулемету, водкой напоят, те и палят без разбору - по своим и по чужим. Мы на танке вперед вырвались и катим потихоньку по улочке. Обзору - никакого! Щель смотровая, да лючок у водителя спереди приоткрыт. Так и навалились на «фаустпатрон». Громыкнуло и вспыхнул наш «Т-34», как факел. Мы в верхние люки, а их от взрыва заклинило. Тут нам еще в придачу, второй «фауст». Наводчика и механика-водителя - наповал, а меня огненным шквалом по глазам шарахнуло, и я потерял сознание.

Очнувшись - тишина. Где-то вдалеке взрывы, стрельба, а меня как будто в погреб заперли. Осторожно ощупал тело, затем руки, ноги, кажется, все цело. На глазах - повязка, а в голове - шум, словно в танке сижу. Лежу в кровати полностью раздетый, а пить хочу, даже внутренности ссохлись. Захрипел я что-то, тут же дверь скрипнула, послышалась немецкая речь и торопливые шаги. Чувствую, по губам ваткой влажной водят.

«Значит не плен!» - вздохнул я облегченно и уснул.

Очевидно, я попал в немецкую семью, лояльно относившуюся к русским. Кормили меня сносно, поили, меняли постельное белье, но связку снимали только ночью. Ласковые, женские руки осторожно протирали какой-то мазью мои слезившиеся глаза, покрытые, как мне казалось, невидимой поволокой. Дурманящий, неведомый мне аромат, исходивший от женских волос, будоражил мое воображение, а от прикосновения воздушных прядей к моему лицу я непроизвольно стискивал зубы. Я научился чувствовать ее по шагам, по ровному дыханию... Мне было всего 19 лет и я, повинувшись законам природы, хотел любить, любить неумолимо и страстно.

Однажды ночью меня разбудили шелестящие шаги. Она помогла мне одеться и, взяв за руку, повела за собой. Спустившись по лестнице, мы вышли на улицу и я с удовольствием вдохнул свежего воздуха. Когда незнакомка сняла с меня повязку, тусклое сияние луны резко ударило по отвыкшим, даже от такого света глазам. Я обернулся и наконец-то разглядел свою спасительницу, которая была еще красивее, чем я думал.

Длинные белые волосы, стройная фигура и огромные глаза, которые смотрели на меня с состраданием и любовью. Раздался лай собак.

- Kom- kom, shnell, - я очень плохо понимал по-немецки, но понял, что она хочет, чтобы я ушел. А девушка для пущей убедительности подтолкнула меня, рукой указав направление.

Лай и грубые голоса раздалились почти рядом. Я шагнул к ней.

- Егор! - затем положил руку на грудь и повторил: - Я - Егор!

- Хельга, - чуть слышно ответила она и неожиданно, приподнявшись на цыпочки, поцеловала меня в щеку, а затем растворилась в темноте подъезда.

Егор Петрович замолчал. Молчал и Николай, до глубины души потрясенный простотой историей, необычной, даже для того времени.

- А что было дальше? - наконец нарушил Николай затянувшуюся паузу.

- Дальше? - очнулся дед. Меня забрал американский патруль и доставил в фильтрационный лагерь, где я узнал, что война уж два месяца, как кончилась. Там я провел

четыре месяца, а потом меня передали в советскую комендатуру. У меня ведь никаких документов при себе не было, даже одежду Хельга дала гражданскую, - Егор Петрович помолчал немного. - А затем из военного огня я попал в пекло НКВД. Вот тут узнал, что такое настоящее лихое... Допросы, через каждые два часа, допросы с пристрастием... Но я молчал и ничего не подписывал. Да и что я мог сказать? Ни улицы, ни номер дома, в котором находился, я не знал. Назвать им имя моей спасительницы? А зачем? Только для того, чтобы навести на себя еще больше подозрений?

Затем - военный трибунал. Меня приговорили к расстрелу, но в последний момент заменили смертную казнь на двадцать пять лет лагерей, - старик снова тяжело вздохнул.

- Оборванного и грязного меня ввели на очередной допрос, глядь, а навстречу генерал, худощавый, подтянутый и седой, как болотный лунь. Приказал он конвоирам завести меня к нему в кабинет, усадил напротив себя и спокойно так сказал:

- Ну, рассказывай, солдатик, что у тебя стряслось?

- И тут поверишь, Колька, - Егор Петрович шмыгнул носом и по-детски беспомощно улыбнулся, - я заревел. Навзрыд! Столько у меня скопилось обиды и так мне хотелось высказаться! И рассказал я генералу все! Про училище, про награды, про то, как немецкая девушка вытаскала меня из горящего танка и два месяца выхаживала у себя дома, про мою любовь к ней... Я ревел, как белуга, а он улыбался и кивал головой.

...На следующий день меня - помытого и переодетого - привезли на вокзал, а по дороге, молчаливый лейтенант снабдил меня сопроводительными документами. Так и не узнал я имени своего благодетеля, - Егор Петрович перекрестился на висевшие в углу иконы.

- В марте 1947 года я приехал домой, а тут - новая беда! Матушка умерла, всего за неделю до моего приезда. Еще бы... Она в 41-м на мужа похоронку получила, а в мае 1945 - на сына. Сердце и не выдержало. Так что вошел я в пустой дом, - старик неотрывно смотрел на висевший в углу умывальный, из лейки которого монотонно шлепались крупные капли.

- Козу мне привела соседка, да четыре улья сохранились. У нас ведь до войны своя пасека была, шестьдесят семей держали. Наше это, наследственное. Отец занимался пчелами, дед мой тоже пчеляком был, а наш мед на всю округу славился. У меня тоже семьдесят ульев, без малого. Только на мне, видать, и закончится род наш пчеловодческий. Двое нас осталось, Мухиных, ты да я, - старик искоса посмотрел на внука и задумчиво почесал заросший седой щетиной подбородок.

- А как же Хельга? Ты больше так и не встретился с ней? - Николай даже подался вперед, боясь пропустить хоть слово.

- Хельга? - глаза деда подернулись поволокой нежности. Он поднялся с лавки и, подойдя к зеву русской печи, задумчиво поворошил кочергой остывшие угли. - Она ведь меня дважды спасла. Первый раз в Германии, а второй... - глухо проговорил старик, указывая на лежащие награды. - Помыкался я тогда один, чую, надо хозняку в избу приводить. И коза приплод привнесла, да пасеку я начал восстанавливать. Баб в деревне много было, одна другой краше, а

я взял вдову с ребенком, жену дружка моего, на войне погибшего.

- А ребенок этот был моей матерью? - уточняюще спросил Николай.

- Да, - дед кивнул. - Поженились мы тогда честь по чести, в справке мне печать поставили. А паспорт выдали только в 1953 году, после смерти Сталина...

- Ты обещал рассказать про Хельгу, - настырно напомнил Колька.

- Да, Хельга! - спохватился Егор Петрович. - Спасла она меня еще раз, точнее, мое честное имя. - В 1989 году меня вызвали в военкомат. Точно, осенью. Тогда еще по телевизору говорили, что рухнула Берлинская стена. Приезжаю я в район, а военком улыбается приветливо, руку мне жмет, все поздравляет, а я не пойму ничего. Выносят посылку, бумаги какие-то, письмо и шкатулку эту, - старик бережно взял коробочку в руки.

- Посылка была от Хельги фон Шреен, той самой девушки, которая вытаскала меня из горящего танка. Хельга, оказывается, была баронессой, а ее отец, барон Отто фон Шреен, был летчиком и за военные подвиги имел два Железных Креста! Вот так-то бывает, внучок! - дед снова вздохнул. - Хельга умерла в 1982 году, а ее внуки, разбирая семейный архив, наткнулись на мои награды, документы и переслали в Москву. Там во всем разобрались, и документы с наградами отправили в наш военкомат, - дед сложил медали в коробочку и, хотел было унести ее, но внук остановил его:

- Дед, можно я про тебя напишу?

- Почему только про меня? - вопросом на вопрос ответил старик. - Ты знаешь, сколько таких, как я, безвинно расстрелянных и оговоренных?! - он снова присел.

- Напиши, коль нужда в этом есть.

- Дедушка, последний вопрос! - взмолился Николай. - Пасека у тебя большая и меду ты, наверное, много качаешь, - старик с достоинством кивнул. - Как ты один управляешься? - тараторил Колька.

- А кто тебе сказал, что я один? Нет, внук, помощники у меня есть, правда, только летом. И меду я качаю по две, а то и по три фляги, а мед я в детдом отдаю. Директор там - отличный мужик. Он мне на лето пару-тройку пацанов в помощь и выделяет. А зимой - я к ним в гости езжу, бывает, что и ночью там. Вот радости у ребятишек! Прижмутся ко мне, как кутята неразумные: «Деда, - лопочут, - дедушка наш приехал!».

Знаешь, Колька, какое это счастье! - дед лучисто улыбался, по привычке прикрывая ладонью щекастый рот.

- Может быть ты и прав, дед... - задумчиво проговорил Николай, о чем-то напряженно раздумывая.

С самого начала разговора, в его душе легкими, контурными набросками начала подниматься необъяснимая и доселе неведомая волна, которая к концу беседы приняла ясные и отчетливые очертания. Он принял решение, а решений Мухин, несмотря на кажущуюся простоватость, никогда не менял.

- Я уезжаю, дед! - Николай резко поднялся и принялся упаковывать сумку.

- Как, уезжаешь? Ты же только приехал! - опешил старик.

- Я вернусь! Я обязательно вернусь! Обещаю! - и Колька вышел, оставив Егора Петровича в полной мере растерянности.

...С трудом дождавшись начала рабочего дня, Колька поспешил в редакцию. Брови Василия Кузьмича удивленно поползли вверх, когда он увидел Мухина в дверях кабинета:

- Что случилось, Николай?

Колька молча положил стопку листов перед редактором, а рядом поставил шкатулку с наградами.

- А почему в рукописи? Что, у тебя компьютера нет? - недовольно пробормотал шеф, углубляясь в чтение.

- Нет там компьютера! И света, тоже нет! - глухо ответил Николай и отошел к окну, пристально наблюдая за Василием Кузьмичом.

В комнате стояла тишина, нарушаемая чтением, редактор задумчиво побарбанил пальцами по столу, пристально посмотрел на Николая и открыл шкатулку. И сразу же, а может Кольке это показалось, по кабинету поплыл терпкий запах солдатской махорки, переплетаясь с ароматом душистого меда.

Василий Кузьмич внимательно осмотрел каждый орден, каждую медаль, а затем уложил награды обратно и, подойдя к Николаю, пристально посмотрел ему в глаза:

- Я вижу, что ты уже все решил?

- Да, я уезжаю к деду, в деревню! - твердо ответил Мухин.

- Тогда, удачи тебе, Коля! - Василий Кузьмич крепко пожал ему руку, а потом еще долго прислушивался к удаляющимся шагам.

Геннадий ПЕРМИНОВ,
председатель первичной
организации ВОИ, г. Кулебаки